

*Абдуллаева Гызылгюль Агали гызы,
доктор философии по филологии,
доцент кафедры тюркологии
Бакинского государственного университета*

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ СЛОВ В КОРНЕВЫХ МОРФЕМАХ (XVII В.) (НА МАТЕРИАЛЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. В статье прослеживается судьба языковых единиц, которые с XVII в. утратили интенсивность и частоту употребления, архаизировались и вышли из азербайджанского литературного языка. Исследование проводится на основе языкового материала художественной литературы XVII в. и сравнительного анализа лексических фактов современных тюркских языков. Результаты исследования показывают, что лексемы, вышедшие из употребления и вошедшие в архаический лексический пласт, полностью не утрачиваются в языке и сохраняют свои следы в современных языковых фактах. Такие лексические единицы сохраняются в корневых морфемах слов в современном азербайджанском языке, а также во многих других современных тюркских языках. Таким образом, древнетюркские слова не были полностью забыты и вновь вернулись в язык. Их сохранение в различных позициях в составе лексических единиц – феномен языка.

Ключевые слова: XVII век, корневая морфема, десемантизированные слова, лексические архаизмы, древнетюркский язык, словарный состав, норма литературного языка.

Введение. Преобладание аруза в системе тюркского стихосложения до XVII в. и широкое распространение в связи с этим классического стиха обусловили появление огромного количества арабских, персидских лексических единиц, изафетных конструкций в азербайджанском языке. Однако при этом такие факторы, как множество заимствованных слов и конструкций, количество и частота употребления лексических единиц тюркского происхождения в мусульманском-тюркском стихе, не оставались вне поля зрения. Хотя большинство таких лексем сохранилось в азербайджанском языке, часть их вышла из активного запаса лексики. До нового периода национализации большинство общеупотребительных слов тюркского происхождения вошло в словарный состав азербайджанского языка.

Большинство их сохранилось в современном азербайджанском языке по сей день. Однако судьба некоторых из этих слов, архаичных для современного азербайджанского языка и зафиксированных как факт литературного языка до нового этапа национализации (в XVII в.), а также в современных тюркских языках, представляет большой интерес и требует всестороннего исследования.

Постановка задач. Материалы литературно-художественного языка XVII в., являющегося связующим звеном между XV и XVIII в.в., делают возможным такое исследование. В XVII в. архаизации подвергались и существительные, и глаголы, среди которых есть фонетические, лексические и семантические архаизмы. Следует отметить, что хотя архаичность рассматривается в основном в сравнении с современным литературным языком, в действительности процесс архаизации

происходил уже в конце XVI – в начале XVII в.в. В этот период многие лексические единицы постепенно утрачивают частоту употребительности и архаизируются. В результате эти лексические единицы, отмеченные в азербайджанском языке XVII в., со временем архаизировались и вышли из употребления. Однако в действительности исследование таких единиц, функционировавших в азербайджанском языке XVII в., утративших свою интенсивность и вышедших из употребления, показывает, что эти лексемы и после выхода из словарного состава языка продолжали в нем существовать. В результате сравнительного анализа установлено, что большинство этих лексем не утратилось, и они сохранились в современном азербайджанском языке. И хотя они существуют в языке в скрытой форме, однако уже долгое время лишены исторической самостоятельности.

Всестороннее исследование азербайджанского языка XVII в., являющегося составной частью классической литературы, а также древнетюркских письменных памятников, позволило выявить историческую самостоятельность таких лексических единиц и установить, что они выполняли функцию самостоятельных корневых морфем.

Цель статьи. Автор статьи попытался проследить судьбу языковых единиц, которые с XVII в. утратили интенсивность и частоту употребления, архаизировались и вышли из азербайджанского литературного языка; исследовать на основе языкового материала художественной литературы XVII в. и сравнительного анализа лексических фактов современных тюркских языков; показать лексемы, вышедшие из употребления и вошедшие в архаический лексический пласт, полностью не утраченные в языке и сохраненные в современных языковых фактах.

Изложения основного материала. В настоящее время указанные лексемы утратили свою семантику и историческую смысловую нагрузку, точнее, они называются десемантизированными лексическими единицами. Однако большинство этих единиц сохраняет свое историческое содержание в несамостоятельной форме. Отмечено незначительное количество слов, не имеющих в настоящее время исторически присущий им семантический потенциал. Мы полагаем, что под десемантизированными словами следует подразумевать единицы, утратившие не смысловую нагрузку, а самостоятельность, поскольку слова, утратившие самостоятельное функционирование, естественно, утратили и семантику.

Лексические единицы, которые с XVII века подверглись архаизации и позднее вообще вышли из языка, можно разделить на две группы:

1. Корневые морфемы лексем, употребляющихся в современном азербайджанском языке.
2. Компоненты сложных слов.

Рассмотрим примеры лексических единиц, сохранившихся в окаменевшей форме в корнях слов в современном азербайджанском языке:

Al – данная лексическая единица отмечена в азербайджанском литературном языке XVII в. в значении «уловка, ухищрение, подвох»:

*İstədim hərgah lə'lin vəslini səhba kimi,
Bağrımı qan eylədin bir al ilə mina kimi*
(Говси Тебризи)

Хотя и само слово, и его семантика считаются архаичными для современного азербайджанского литературного языка, однако его исторические следы сохраняются в ряде слов, употребляющихся в словарном составе языка, например: в словах *aldatmaq* «обманывать», *aldanmaq* «обманываться» морфема *al* сохраняет значения «ухищрение, хитрость, уловка». Разница в том, что данная лексическая единица в настоящее время утратила функцию современной корневой морфемы. Однако языковые единицы *aldatmaq*, *aldanmaq* – своего рода результат «ухищрения, хитрости, уловки». Следовательно, формирование этих слов на основе лексемы *al* – объективная реальность. В настоящее время и в разговорной речи встречаются исторические следы этой лексической единицы, например: *Al dilnən məni dilə tutdu-əpcn* «Уговорил меня своим хитрым языком».

Слово *Al* вошло в словарный состав азербайджанского языка XVII в. в значении «красный».

*Xəzən fəslində girdim bağə yadı - növbəhar etdim,
Sirişki - al ilə ol zərənini lələzar etdim*
(Говси Тебризи)

В этом значении слово не закрепилось в качестве самостоятельной единицы в языке. Однако в составе глагола *allanmaq* «краснеть» (например, *Qızın yanağı allandı* «Щеки девушки покраснели»), употребляющегося в азербайджанском языке, отчетливо проявляется *al*. Корневая морфема *al* в данном слове означает «красный». Однако в связи с утратой функции корневой морфемы она не может вычлениваться в составе данной лексической единицы. Следует отметить, что эта лексическая единица встречается в исключительных случаях, например: *al bayraq=qırmızı bayraq* «красный флаг», *al yanaq=qırmızı yanaq* «красные щеки». Как видно из приведенных примеров, в данном случае слово сохраняет свою первоначальную семантику. Если учесть, что в азербайджанском языке есть глаголообразующий аффикс – *lan*, то рассмотрение этого древнетюркского слова, означающего «красный», в качестве корневой морфемы [*al+lan* (mag)] вызывает сомнение. Естественно, при наличии обратного варианта одно из этих древнетюркских слов в самостоятельном значении «красный» ускорило бы частоту употребления лексической единицы *al* в литературном языке. Однако архаизация этого слова и утрата им самостоятельности отделили его от производной структуры, в результате чего оно вошло в разряд непроизводных слов. Следовательно, в рассмотренных примерах (*aldatmaq*, *aldanmaq*; *allanmaq*) лексическая единица *al*, не отдаляясь от своего первоначального значения «хитрость, уловка, ухищрение», в скрытой форме сохранило историческое значение «красный».

В современном азербайджанском языке она употребляется как частица, усиливающая превосходную степень прилагательного:

тельного: *al qırmızı –qıpqırmızı/çox qırmızı // olduqca qırmızı* «ярко-красный, алый». Следовательно, как усилитель превосходной степени прилагательного это слово прошло путь развития от самостоятельности к несамостоятельности, то есть к выполнению вспомогательной функции. В действительности же в этом сочетании семантическая нагрузка, удваиваясь, приобретает возможность совместного употребления. В результате на основе исторического содержания выражение «*al qırmızı*» понимается как «красный-красный». В языке азербайджанской классической литературы до XVII в. это слово отмечено в обоих значениях:

Güz alması kibi al yanaqlarım yurttayımı? Qoşa badam sığmayan dar ağızlım, güz almasına bənzər al yanaqlım; Sən sağ ol, Beyrək öldi! - dedilər. Namərd dayın al eyləmiş («Kniqa moeqo Deda Korkuda»); Al ilə ala gözlərin aldadıb aldı canımı (Насими).

Абу Хайян также употребляет эту лексему в двух разных значениях:

1. Хитрость, уловка. 2. Гнедая лошадь [2, с. 20].

Следует отметить, что данные лексические единицы, сохранившиеся в скрытой форме в корневых морфемах слов современного литературного языка, отмечены и в диалектах азербайджанского языка. Таким образом, лексемы, вышедшие из языка, сохраняются и закрепляются в диалектах и продолжают свое существование. С этой точки зрения и слово *al* не составляет исключения. Употребляясь в значении «хитрость, уловка» в казахском, агдамском, бакинском, джебраильском, физилинском диалектах азербайджанского языка, оно сохраняет свою историческую форму и содержание: [*Məni al dilə tutma, nə sözün var mərdana devnən* (Агдам) [1, с. 8].

Ары – в письменных источниках XVII в. данная языковая единица отмечена в значениях «чистый», «прозрачный», «совершенно чистый»; «целомудренный; неиспорченный». *Həq bilir, könlim mənim tarı evindən arıdır; İmtahan lazım deyil, çün arıdır dinarımız (Qovsi Tebrizi); Pirinin pirini görməz neyləsün miskin mürid, zahirin pakizə görmüş, konlini arii bilir* (Меджзуб).

Данная лексическая единица, широко употреблявшаяся в азербайджанской классической литературе до XVII в. – [*Qalın oğuz bəyləri art sudan abdəst aldılar* – Книга моего Деда Кorkуда; *Qam bir incilü ari sədəf kim, Bulna onda bir loloi-şəhvar* – Насими; *Nəşeyi – danışın müfərrihi – can, Ari ol keyfiyyətdən əhli – canon* (Физули)] и в литературном языке, с указанного периода постепенно утрачивает частоту употребления.

В результате слово *ары* утрачивает свою самостоятельность и входит в разряд архаизмов. Однако его исторические следы сохраняются в устойчивом сочетании *aydan an, sudan duru* – доел, чище луны, прозрачнее воды. В лексеме *арытмаз//artlamaq//artmaq* «чистить; очищать», употребляющейся в разговорной речи, связь корня с *an* не вызывает сомнения. Эти глаголы встречаются и исторически (*Vüçudumu ant hicrin odilə - Q.Burxanəddin*) в частности, и в XVII в.: [*Cövhəri puşidəmiş ayinə bağrın ab edər; Çöhrədən, Qövsü, bizim arıtsalar jəngarımız (Qovsi Tebrizi); Qapıdan huri gəlir; Gözümün nuri gəlir. Bu arı kim arıdib, Su belə duru gəlir? (Sarı Aşuq)*].

Разница заключается в том, что хотя глагол *арытмаз* исторически являлся производным словом, однако в современном разговорном языке по своей структуре он считается непроизводным словом. Основная причина развития от производности к не производности – отсутствие лексической единицы *ары* в словарном составе современного азербайджанского языка. Однако, несмотря на это, данная лексема употребляется в диа-

лектах азербайджанського мови в різних фонетических варіантах (*aru/ari*) (1, с. 18). Як верно вказує Т. Гаджієв, «між літературним мовою і діалектами іде постійний обмін: діалекти обогачають літературний мовою, одиниці же, вишедші з використання в літературному мовою, зберігаються в діалектах» [3, с. 33]. Слід також відзначити, що дана мовна одиниця використовується в формі *aruğ* в мові Орхон-Енісейських пам'яток [5, с. 83], в формі *aruv* в каракалпакському мові [2, с. 226] без яких-небудь семантичних змін. Такі ж семантичні еквіваленти відзначені в словарі Абу Хайя [2, с. 15] і в «Древнетюркському словарі» [7, с. 51–52].

Aş – дане слово зустрічається в класических джерелах в значенні «еда; продовольство». В цьому ж значенні оно відзначено в літературно-художеских творах XVII в.: [*Sənə verrəm mən əndək zəhri-qatıl, Nihan şah aşına sən eyh daxil; Ona müstoli oldu xısm ih qəhr, Şahın aşına daxil eylədi zəhr. Yedi aş rəvan tapşırdı canı, Çü öldürmüşdü nəhəq Butəmtami (Fadai); Gər yaxşivü, gər yətan bişər aş, Padaş mənə ağac durur daş* (Месихи)].

Ця лексическа одиниця входить в словарний склад азербайджанського мови з точки зору використання, однак в результаті звуження значення оно слугує еквівалентом слова плов – названія одного з головних національних страв. В нинішнє час оно позбавлене історического вмісту, однак в загальноупотребительних словах *aşxana* «столова», *aşpaç* «повар» його історическа семантика зберігається. В турецькому літературному мові слово *ıç* також зберігає своє історическе вмісту. Крім того, в турецькому мові використовується і слово *aşçı* «повар» – (*aş* – слово тюркського походження, -с/- суффікс тюркського походження).

В сучасних тюркських мовах має значительне кількість лексических одиниць, в яких кореневі морфеми в прихованій формі зберігають своє історическе вмісту, наприклад: *qu* «весті, відомість»; *qulaq* «ухо»; *qon* «поселитися; розміститися»; *qonaq* «гость», *qonuu* «сосід/сосідка»; *ıu* «думка»; *ıumaq* «увлечеться, піддасться»; *ım* «стыд, сором»; *ıtanc* «соромливість»; *ıtamaq* «соромитися, соромитися, соромитися»; *ıtandırmaq* «соромити, соромити, соромити»; *ıbıç* «різати, рубити»; *biçaq* «нож»; *öq* «мати»; *ögey* «неродної»; *çı* «роса, волога»; *çiişkin* «туманно-дождливий»; *çiləmək* «бризгати; крапати, моросити»; *güz* «осінь»; *güzən* «овеча шерсть осіннього стрижання»; *ıç* «довгий»; *tın* «довгий»; *uzanmaq* «лежати, ліжати; тягнутися, простиратися; рости»; *ou* «яма, впадина, ритвина, углублення»; *oumaq* «рияти, висверлювати, робити виїмку», «углублення»; *ouıç* «виїмка, виїмка, ритвина»; *ac* «сердитися, злитися»; *acıqlanmaq* «розозлитися, обозлитися; гнєватися»; *ou* «вчитися, навчитися; оволодіти, засвоїти, досягти»; *dan* «розмова»; *danmaq* «отрицати; опиратися, відмовитися»; *danışmaq* «говорити, розмовляти»; *danlamaq* «упрекати, корити, отчитати»; *boı* «рост; висота»; *böyümək* «рости; ставитися старше» і інші. Особливий інтерес, на наш погляд, представляє лексическа одиниця *yog*, відзначена в словах *yogun* «товстий; повний, товстий; грубий (о голосі)», *yogunlaşmaq* «толстєти, перен. грубєти». Лексема *yog* відзначена в словарі Шамсадіна Шами «Гамуси-тюрки» в значеннях «утолщати, сгущати» (8, с. 1334). В нинішнє час ця лексическа одиниця ні в азербайджанському, ні в турецькому мові не існує в самостійній формі. Однак в обох мовах она зберігається в прихованій

формі в словах в тому ж значенні. К цьому ж розряду слів відноситься і лексема *oda* «комната». Різниця лише в тому, що в турецькому мові, в відміння від азербайджанського мови, она використовується як самостійна лексическа одиниця [*art oda, karanlıq oda, ön oda, arz odası, bekleme odası, beklenme odası, doğum odası, güneş odası, halk odası, kabul odası, makine odası, makyaj odası, misafir odası, müzik odası, oturma odası, rejisörlük odası, sanayi odası, satis işlem odası, satış odası, ticaret odası, yatak odası, yemek odası, yuk odası...*] [9, с. 1489].

В азербайджанському мові она зберігає свою історическу фонетическу і первонаціальну історическу семантику в кореневій морфемі слова *otaq* (*oda* // *ota* + *q* = *otaq*). Морфема *q* в складі слова *otaq* є одним з морфологических показателів категорії числа і також зберігає своє історическе відслід. Точніше, слово *otaq* означає *odalar* – «дома». Это означає повернення древнетюркських слів в мову, їх довговечність, збереження історического вмісту, а також збереження історического словарного запасу мови.

Висновки. Дані лексеми не розглядаються як кореневі морфеми, оскільки они не відзначені в словарному складі сучасного мови і втратили самостійність. В цьому плані між агглютинативними і флективними мовами існує визначена різниця. Якщо підходити до проблеми з точки зору граматических норм флективних мов, то не тільки дане слово, но і всі лексическі одиниці подібного роду можуть вважатися похідними словами. З точки зору агглютинативності, ця норма не може вважатися правильною, так як во флективних мовах незалежно від самостійного використання або невикористання кореня слова явні лексическі суффіксальні морфеми надають лексическій одиниці статус похідного слова. Во флективних мовах корінь слова не входить в якості самостійної одиниці в словарний склад мови (здесь тимчасовий фактор не приймається во увагу), і это – граматическа норма. В агглютинативних ж мовах это протирєчить граматическій нормі. Слідовательно, дуже суттєво, що в агглютинативних мовах кореневі морфеми похідних слів непременно повинні входити в словарний склад мови і самостійно функціонувати в ньому. Слід також відзначити, що в відміння від флективних мов, в агглютинативних мовах не тільки словообразовательні суффікси можуть надавати якій-небудь лексическій одиниці статус похідного слова. Здесь важливу роль грає і лексический суффікс, і корінь слова. С. Джафаров відзначає, що «...во флективних мовах корінь слова не є самостійною лексическою одиницею в складі слова, і это – загальне граматическе правило, однак в тюркських мовах такі випадки іноді зустрічаються» (4, с. 155). Наблюдєння показують, що процес превращення історическі похідного слова в непродуктивне відбувається трьома способами:

1. Зміна звукової оболонки кореня слова і появлення алломорфів. Наприклад: в слові *oğurluq* «ворівство, кража» явно прослідковується суффікс *-luq*, образуючий отримані іменні іменні в азербайджанському мові, створюючий омонімію. Однак в результаті приєднання суффікса до кореня слова в кореневій морфемі відбувається фонетическе явище метатеза: *oğru* «вор» + */luq/* → *oğurluq*.

Як відомо, слово *oğurluq* є похідним від лексическої одиниці *oğru*. Это відзначено і в дериватологическій системі азербайджанського літературного мови XVII в.:

Oğruluq ilə keçən mədari, Ким ола юзц, ня етибари?! (Меси-хи). Данный пример подтверждает историческую реальность. Однако со временем утрата этим словом прежней звуковой оболочки и отсутствие единицы *oğur* в словарном составе современного азербайджанского языка не позволяют включать лексическую единицу *oğurluq* в разряд производных слов. К такому же типу слов относится и глагол *böyü(mək)* «расти; становиться старше; увеличиваться». Связь этой лексемы со словом *boy* «рост; высота» несомненна. Однако изменение его фонетического состава (*boy böy*) не позволяет включать его в разряд производных слов.

2. Утрата корнем исторической семантики и семантической связи с новообразованной лексической единицей

Например, на первый взгляд слова *qırıntı* «крохи, крошки, кусочки, обрезки» и *qıraç* «край; окраина» кажутся одно-коренными – от слова *qır(maq)* «ломать; разбивать; рубить». В действительности же первое слово считается производным, второе же – непроизводным, так как связь лексической единицы *qırıntı* с глаголом *qır(maq)* сохраняется, между словом же *qıraç* и глаголом *qır(maq)* никакой связи нет. К данному разряду слов относится и лексема *dağıntı* «разрушение, разруха». Хотя здесь явно выделяется лексический суффикс *-inti*, однако это слово не считается производным, поскольку корень слова не имеет никакой семантической связи со словом *dağ* «гора». Примерами тому служат и слова *dağıt(maq)* «разрушить», *dağıntıq* «разбросанный, раскиданный; беспорядочный». С. Джафаров предполагает, что эти слова происходят от глагола *dağ(maq)*. По мнению ученого, первоначальным вариантом глагола *dağıt(maq)* был глагол *dağ(maq)* (4, с. 155). Однако ни исторически, ни в современном азербайджанском языке слово *dağ(maq)* не встречается, что позволяет относить слово *dağıntı* (и подобного рода слова) к непроизводным.

3. Архаизация корня слова и выход его из словарного состава языка

Все вышерассмотренные примеры, отмеченные в словарном составе азербайджанского языка XVII в., относятся к данному разряду слов. Хотя большинство этих языковых единиц, архаизируясь с XVII в., вышло из литературного языка, однако их следы полностью не исчезли и сохранились в корневых морфемах слов многих тюркских языков, в том числе и азербайджанского языка.

Литература:

1. Азербайджанский диалектологический словарь. Анкара: Киличаслан Матбаачилик, 1999, 374 с.
2. Аль-Андапуси Асиреддин Абу Хайян. Китаб ва-ль идрак ли-л лисан аль-атрак (пер: З.М.Бунятов). Баку: Азер.Гос.Объед.Изд. и Пол., 1992, 115 с.
3. Гаджиев Т. История азербайджанского литературного языка. Ч. I. Баку: Элм, 2012, 476 с.

4. Джафаров С. Современный азербайджанский язык. Баку: Маариф, 1970, 155 с.
5. Мачедов Ю. Лексико-семантическое развитие слов в азербайджанском языке. Баку, 1987, 83 с.
6. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Т. I / Материалы по диалектологии. М.: Изд-во АН СССР, 1951, 411 с.
7. Древнетюркский словарь. Ленинград: Наука, 1969, 676 с, на турецком языке:
8. Sami Şamsaddin. Kamus – i turki (Hazırlayan:Yavuraslan). Ankara: Turk Dil Kurumları yayınları, 2010, 1370 s.
9. Turke sözlük. Ankara: Akşam Sanat Okulu Matbaası, 2005, 2243 s.

Абдуллаева Гизлгюль Агалі гизи. Историчні сліди давньотюркських слів в корневих морфемах (XVII ст.) (на матеріалі азербайджанської мови)

Анотація. У статті простежується доля мовних одиниць, які з XVII ст. втратили інтенсивність і частоту вживання, архаїзувались і вийшли з азербайджанського літературної мови. Дослідження проводиться на основі мовного матеріалу художньої літератури XVII в. і порівняльного аналізу лексичних фактів сучасних тюркських мов. Результати дослідження показують, що лексеми, що вийшли з ужитку і ввійшли в архаїчний лексичний пласт, повністю не втрачаються в мові і зберігають свої сліди в сучасних мовних фактах. Такі лексичні одиниці зберігаються в корневих морфемах слів в сучасній азербайджанській мові, а також у багатьох інших сучасних тюркських мовах. Таким чином, давньотюркські слова не були повністю забуті і знову повернулися в мову. Їх збереження в різних позиціях у складі лексичних одиниць – це феномен мови.

Ключові слова: XVII століття, коренева морфема, десемантизовані слова, лексичні архаїзми, давньотюркська мова, словниковий склад, норма літературної мови.

Abdullaeva G. Historical traces of ancient Türkic words in root morphemes (XVII century) (on the material of the Azerbaijani language)

Summary. In the article is traced the lot of the words that lost their intensity, frequency and became archaic from the XVII century and left the vocabulary of the Azerbaijani literary language. The research is based on the material of the literary-artistic language of the XVII century and comparative analysis of the lexical facts of the modern Turkic languages. The research has made it possible to determine the following fact: though the words that left the literary language became archaic they didn't disappeared from the language at all. They preserved their historical traces in the modern language facts. Such words have preserved their historical meanings in the root morphemes of lexical units both in the modern Azerbaijani language and in the other modern Turkic languages. Thus the ancient Turkic words weren't forgotten at all and returned to the language again. Their preservation in the different positions in the lexical units is a language phenomenon.

Key words: XVII century, root morpheme, desemantised word lexical archaisms, ancient Turkic language, vocabulary, literary language norm.